

Оглавление

Часть первая	
СПЛОШНЫЕ ПОТЕМКИ	11
Часть вторая	
СЛУЧАЙНО УМЕР.....	48
Часть третья	
СПЛОШНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ.....	90
Часть четвертая	
УМЕРЕТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ	123
Часть пятая	
НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ.....	157
Часть шестая	
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ.....	184
Часть седьмая	
НЕ ВСЕ ТАК ПРОСТО, КАК ВИДИТСЯ	219
Часть восьмая	
ДРУГАЯ ЖИЗНЬ.....	257
Часть девятая	
УМНЫЕ И ДУРАКИ	292
Часть десятая	
ПРОСТИТЬ. ЗАБЫТЬ. ПРИНЯТЬ.....	325

— Ма, нас останавливают, — разволновался Саша, вытягивая шею, чтобы за фигурой водителя рассмотреть дорогу.

— Сиди смирно, — сказала мама, опуская вуаль на лицо. — Не вступай в споры и ничего не доказывай, иначе наживем кучу проблем.

— Там не только дэпээсники, военные... Один машет нам.

— Ну и пусть машет, работа у него такая. Ловят кого-то, вот и машет.

Пятнадцатилетний Саша, высокий и физически крепкий, считающий себя уже мужчиной, оценил спартанское спокойствие матери и, расслабившись, откинулся на спинку сиденья. Тем временем водитель притормозил у поста ГИБДД, не глуша мотор, мужчина в камуфляже и с автоматом за плечами отодвинул дверцу, его глаза уткнулись в добротный (из очень дорогих), отполированный до блеска гроб. Оказывается, данный шикарный микроавтобус известной западной марки всего-то катафалк, а по внешним признакам не скажешь. Возникла пауза, словно военный ожидал, что в катафалке должна ехать свадьба вместо покойника и его родных, он окинул беглым взглядом сопровождающих гроб и задал, пожалуй, глупый вопрос:

— Кого везем?

— Мы везем па-а-пу! — весело чирикнула Маша, ей три с половиной года и смерть для нее как для взрослых инопланетяне живьем.

— Машуня, тихо! — И Саша эдак по-мужски усадил малышку себе на колени, прижал к груди, а для верности ладонью зажал рот девочке, а она хихикала, сощурился глазенки.

Рядом с ним и девочкой сидел еще один мальчик лет двенадцати, очень серьезный, шупленький, в очках и с непокорным чубчиком над высоким лбом. На второй половине салона, напротив детей, сидела женщина в черном закрытом платье и шляпе с большими полями, возле нее скучал человек в рабочей робе, рядом с водителем находился еще один мужчина в такой же рабочей одежде. Между двумя группами — гроб.

— Куда везете своего папу, к тому же вечером? — поинтересовался военный, без сомнения, озадаченный, ведь хоронят обычно днем. — Кстати, помнится, кладбище в другой стороне.

Женщина подняла вуаль, грустными бледно-голубыми глазами посмотрела на молодого человека, словно он недоразумение, свалившееся с неба, как ему показалось, и скорбно, со слезой в голосе, вымолвила:

— Да, вокруг города четыре кладбища, со всех сторон располагаются, но мы везем мужа не на городское, а на родину в деревню. Это его дети, — указала она жестом на троих детей, сидевших напротив, а то вдруг у него плохое зрение. — Ночь он проведет в своем доме, где прошло его детство, а завтра со всеми почестями мы похороним мужа там, где лежат его родные.

— Откройте крышку, — потребовал военный.

— Вы хотите взглянуть на мужа? — удивилась вдова и обратилась к рабочему: — Пожалуйста, откройте.

— Мы завинтили крышку, — напомнил работяга. — Вы сами просили.

— А, да, — вспомнила она и объяснила военному: — Нам от города ехать целый час, вдруг авария, торможение, ямы... у нас к деревне ведет отвратительная дорога, не хватало, чтобы покойный выпал. Нет, вы представля-

ете этот ужас? — И попросила рабочего: — Чего же вы сидите? Отвинтите, пожалуйста.

Мужчина, явно из конторы ритуальных услуг, приподнялся с места, стал на одно колено, заворчал:

— То завинти, то отвинти, потом опять — завинти... Как же, покойника не видели! Полина Александровна, я ни на что не намекаю, но нам еще возвращаться назад в город.

— Открывайте, — настоял военный.

Рабочий взглянул на несчастную вдову, мол, как быть, та одними глазами дала понять, чтобы открыл. Он долго откручивал болты, все терпеливо ждали, кроме малышки, которая приставала то к старшему брату, то к младшему. Но вот рабочий взялся за крышку и поднял ее, открыв покойника наполовину. Не успел военный приподняться на цыпочки, а то и залезть в катафалк, чтобы внимательней рассмотреть труп, как вдруг вдова упала на колени, приобняла мужа и зарыдала:

— Не могу поверить... Нет, это не ты, не ты... Не может быть... Мне снится этот кошмар! Боже мой, за что?.. За что?..

Бедная женщина легла грудью на труп и громко рыдала, заревела малышка, да в голос, Саша подхватил ее, прижал к себе, уговаривая:

— Машенька, не плачь... Моя маленькая, моя хорошая, я тебя пожалею, поглажу... (Она еще громче заревела.) А давай в окошко посмотрим? Кто там ходит... Собачка! Маша, смотри, какая она лохматая...

Малышка на мгновение перестала плакать, посмотрела в окно, видимо, собачка не понравилась, она снова заревела громче прежнего. Все это время вдова горько рыдала, лежа на трупе мужа, приговаривая и причитая невнятно. Потом вдруг, словно вспомнив, что человек в военной форме ждет, повернулась к нему лицом в потеках слез, всхлипывала, но с колен не поднялась.

— Водитель, приготовьте документы! — крикнул военный и закрыл дверцу, после чего отправился к носу катафалка.

Проверив имеющиеся бумаги, военный махнул рукой водителю, мол, трогай, он еще слышал рыдания вдовы и малышки, когда машина проезжала мимо него, затем и мимо поста.

— Ма, хватит, сядь, — сказал Саша. — Мы отъехали.

Полина закрыла крышку гроба, поднялась и села на место, сняла шляпу и кинула ее на гроб, после чего протянула руки к малышке:

— Иди к маме, моя родная. — Усадив всхлипывающую девочку себе на колени, Полина целовала ее, приговаривая: — Ну, все, все... Крошечка, не плачь, все хорошо. Улыбнись Саше... Молодец. А Никите?.. Никита, посмотри на Машу...

Длинную дорогу к деревне проехали в молчании, собственно, разговаривать-то и не о чем. Спокойно вел себя мальчик в очках, он высидел с прямой спиной, ни разу не согнувшись. Труднее далась дорога малышке, она вертелась, как волчок, визжала и смелась, требовала то воды, то конфету, ее умирал Саша, а вдова даже и не думала уговорить дочь, главное — ребенок не плачет.

Затемно подъехали к добротному кирпичному дому, огороженному высоким забором из гофрированного железа, дом в глубине участка, и виден только второй этаж с крышей, за оградой шумел сад. К этому времени малышка уснула, Саша нес Машу на руках, перед дверью в ограде остановился, тогда мать обошла сына, открыла ее ключом. Залаял пес на цепи, но, узнав своих, заскулил радостно, завилял хвостом, к нему бросился Никита, теребил пса, обнимал. Полина вернулась в катафалк, попросила водителя:

— Сдайте назад, нужно подъехать вплотную к забору.

Чтобы водитель не въехал в ограду, рабочий, сидевший рядом с вдовой, прыгнул на землю и руководил ма-

невром. Он же открыл крышку гроба, вдова наклонилась к покойнику и сказала:

— Вставай, мы приехали. (Покойник открыл глаза.) Теперь главное, чтобы никто из соседей не увидел, зазор между забором и машиной все же есть, его нужно проскочить быстро, а во дворе иди спокойно. Ограда у меня очень высокая.

Бывший покойник сел в гробу, буркнув:

— Фу-х, чуть не задохнулся.

— Ну, извини, — усмехнулась Полина. — По дороге могли встретиться еще проверяющие, кстати, патрули встречались, нас просто не остановили. Выходи, гроб взят напрокат, его нужно вернуть.

— Я помню, — выбираясь из гроба, проворчал он.

«Покойник» буквально совершил прыжок из машины во двор ничуть не хуже спортсмена-прыгуна, в ответ собака остервенело разлаялась. На помощь прибежал из дома Никита, успокоил пса, загнал его в вольер, огороженный сеткой рабицей, и запер, затем сказал ожившему покойнику:

— Проходи, Барсик надежно закрыт.

К этому моменту подошла и Полина, вдвоем они вошли в дом, где она сняла шляпу и кинула ее на кресло, попросила младшего сына:

— Никитушка, скажи Саше, чтобы не дал малышке уснуть, скоро ужин, мне только разогреть и накрыть на стол. — Мальчик убежал вверх по лестнице, а Полина повернулась к ожившему покойнику и словно увидела его только что. — Ну и вид у тебя... ей-богу, покойник. Идем, покажу твою комнату. Спальни у нас наверху, твоя тоже, есть санузел, а душ и ванна внизу, там и смоешь этот жуткий грим. Баба Люба часто заходит ко мне, она тебя не сдаст, но желательно и ей не показываться, уходи в гардеробную, это тоже внизу.

Полина привела его в комнату, показала, где и что находится, дала полотенца и предупредила, что ужин при-

мерно через двадцать минут. Он умылся с мылом, вытираясь полотенцем, всматривался в свое лицо, мысленно спрашивая свое отражение: «Как же ты докатился до жизни такой? Где были твои мозги?» Много случилось всего за короткий период, и не только с ним, как будто с горы покати́лась каменная глыба, давя всех подряд, а он убегал, убегал, не успевая опомниться. И сколько людей вовлечено! Ему нельзя проиграть, а началось...

Часть первая

СПЛОШНЫЕ ПОТЕМКИ

— Прошу прощения, Даниил Тихонович...

Тот сидел в кресле у стены, остановив немигающие глаза на носке собственной туфли, нога, закинута на ногу, затекла, но позы не менял. В сущности, Даниил спал с открытыми глазами, время незапланированного и длительного ожидания вызывает агрессию, он предпринимал титанические усилия, чтобы подавить ее. А это нелегко. Даниил ушел в себя, стараясь сделать невозможное — отключить мысли, поэтому не сразу заметил фигуру, выросшую перед ним. А когда заметил, не сразу понял, что неказистый паренек обращается именно к нему, оттого и молчал. Заговорил паренек дежурным тоном, слово за словом выучил:

— Кирилл Юрьевич извиняется, он не может приехать.

— То есть? — произнес Даниил безучастным тоном.

— Он не может... — повторил паренек, будто других слов не знал.

— А причина? — перебил Даниил.

— Занят. Не получается приехать.

Даниил поднялся, рукой махнул Шумакову и адвокату, мол, все, и первым зашагал к выходу, вслед донеслось:

— Кирилл Юрьевич просил передать, что передумал подписывать договор. И просил принять наши извинения.

— Я услышал, — бросил небрежно уже в дверях Даниил, не оборачиваясь, а через плечо, и стремительно вышел.

По коридорам он шагал, широко и твердо ставя ноги, так идут уверенные в себе люди, но страшно злые. Даниил по фамилии Данилов, или просто ДД, успешный бизнесмен, на этом можно было бы поставить точку, однако не все так однозначно. Он не похож на представителей белых воротничков разных уровней, его проще вообразить с сохой или у мартеновской печи в соответствующей амуниции. И характером выдержанный, научился в среде неявных и потенциальных недоброжелателей держаться нейтрально.

— Что у тебя с лицом? — тихо бросил Шумаков, едва поспевая за ним.

При первом знакомстве с Даниловым в глаза бросаются крупные черты, простые и довольно приятные, да, лицо открытое, подобные люди вызывают доверие просто так, без повода. Кстати, из него вышел бы идеальный мошенник, ведь эта категория эксплуатирует доверие. Но он далек от плутовства, разве что чуть-чуть для дела идет, как он выражается, на компромиссы, а кто не грешен?

Однако вопрос прозвучал с явным намеком, что состояние Данилова отпечталось на его физиономии, невольно он покосился на панорамные окна, мимо которых проходил. Ожидания увидеть себя как бы со стороны не оправдались, стекло ведь не зеркало, Даниил продолжил длинный путь, глядя прямо перед собой.

— Мимику смени, — почти не разжимая рта, посоветовал Шумаков. — Ты забыл первое правило: бесстрастность.

— Я не оканчивал актерские курсы, — отбрил Данилов.

— А следовало бы. Если кто-то состряпал эти ситуёвины, то сейчас ловит кайф от твоей убитой физиономии.

Эмиль Шумаков заместитель, помощник, доверенное лицо и полная противоположность Даниилу, вот он как раз соответствует шаблону «белый воротничок», к тому же экстерьер у него куда как привлекательный. Эмиль родился не в рубашке, нет, а в классическом костюме и с манерами графа, язык подвешен, как у куклы в телеяшике, умен, позитивен, в юности вообще тянул на киногероя роман-

тических сказок. Но сорок лет не двадцать, даже не тридцать, время уже внесло коррективы в его неповторимый облик, да и фигуру подправило не в лучшую сторону, пока немного, но возраст никого не делает краше. Между прочим, они оба одногодки, а сорок — цифра раздела. Обычно все, что было до, по истечении сорока становится после, следующий период — время собирания плодов, вот как раз с этим, с плодами, неожиданно образовались проблемы.

Наконец все трое вышли из здания офис-центра, на парковке, не стовариваясь, задержались, с минуту стояли и тупо молчали.

— Что это было? — Даниил бросил вопрос в никуда, словно спросил у самого себя и явно не ждал ответа.

— Мы приехали подписывать договор, — залепетал адвокат Пушкарь, в недоумении подняв плечи, но это от возмущения, по правде говоря, он тоже не ожидал провала. — Прождали почти сорок минут...

— Больше сорока, — уточнил Шумаков.

— Ну, да, больше, не спорил Пушкарь. — После чего нам дали от ворот поворот без объяснений. Нет, что за хамство!

Пушкарь обладает удивительной способностью: в нужный момент он становится невидимкой, Данилов успел забыть о нем, а он вдруг очутился перед носом, готов к труду и обороне, что и доказал следующей фразой:

— Я созвонюсь сначала с его адвокатом...

— Зачем? — с вызовом бросил Данилов, открывая дверцу авто.

— Надо же выяснить, что это за приколы...

— Нам дали по морде, выяснять — себя не уважать.

— Но должна же быть причина! — продолжал бубнить Пушкарь. — У нас был выбор, черт возьми! Нет, я потребую...

— Не надо ничего требовать, — мягко осадил его Данилов, через паузу добавил: — Достала битва за место под солнцем. Я тоже не пойму, какого черта Ильин втя-